

КОНЦЕПЦІЯ ЛИЧНОСТІ В ПЬЕСЕ Л. АНДРЕЕВА «К ЗВЕЗДАМ»

Мамай Н.Н. (м. Запоріжжя)

Анотація

У статті аналізується концепція особистості головного героя п'єси "До зірок", вказуються аспекти співвідношення цієї проблеми з вченнями Ф. Ніцше, А. Бергсона, християнської антропології, що дає змогу виявити цілісну концепцію особистості в творчості письменника.

In the article the author gives the analysis of conception of protagonist's personality of play "To the stars", specifies the aspects of correlation of this problem with the studies of F. Nietzsche, A. Bergsona, Christian anthropology which enables to find out integral conception of personality in creation of writer.

Ключові слова

ОСОБИСТІТЬ, ГЕРОЇЗМ, САМОПОЖЕРТВУВАННЯ, СУСПІЛЬСТВО, СВИТОГЛЯД, ТВОРЧИСТЬ

Обговорення проблеми

В творчестве Л. Андреева можно выделить несколько типов самореализации личности, свойственных героям его произведений. С этой точки зрения представляет интерес концепция личности главного героя пьесы «К звездам», в которой тип героя – альтруиста в драматургии Л. Андреева встречается впервые.

Исследователи, рассматривавшие философскую проблематику пьесы, делали акцент либо на анализе основной идеи произведения и приходили к выводу, что Андреев пытался выразить в драме некое целостное мирозерцание, примиряющее противоположные взгляды (Ю. Чирва [1, 179], [2, 12]; К. Муратова [3, 514]; В. Келдыш [4, 237] и др.), либо сравнивали главного героя со сверхчеловеком Ф. Ницше (Р. Иванов – Разумник [5, 132 – 134], Д. Мережковский [6, 26]). При этом авторская концепция личности в произведении не рассматривалась подробно.

Таким образом, в статье ставится цель проанализировать концепцию личности в пьесе Л. Андреева «К звездам», что отвечает назревшей проблеме более широкого и углубленного осмысления пьес драматурга в философском аспекте.

Пьеса «К звездам» проникнута героической философией. Сражающихся на баррикадах с идущими к звездам сближает идея самопожертвования во имя счастья людей, как бы ни отличались их средства для достижения этой цели. Не случайно уважительное и товарищеское отношение Николая, воплощающего совесть и ум революции, и Трейча, олицетворяющего ее высокий героизм и трезвое

ремесло, к Сергею Николаевичу Терновскому, превратившему свою жизнь в героический подвиг самопожертвования ради людей будущего. Астроном, живущий в вечности, измеряющий все совершающееся масштабами веков и тысячелетий, видит себя в ряду «близких» и «далеких» друзей, которые жили и будут жить во имя общечеловеческого прогресса: среди них Галилей, Джордано Бруно и Коперник, астрономы, живущие где-то в Африке и в Бразилии, ученые, один из которых умер полтора столетия назад, а другой должен будет родиться через семьсот пятьдесят лет. Он знает, что его труд, как и труд его друзей, будет иметь конкретные результаты лишь в далеком будущем.

В связи с этим в критике начала XX века Л. Андреева обвиняли в проповеди жестокой философии «сверхчеловека», «человекобога», с точки зрения которой современное человечество является средством, материалом для создания грядущего «сына вечности». «... Живой и страдающий человек не может служить для нее средством ... эта (точка зрения Сергея Николаевича) не человеческая, а сверхчеловеческая... Для того, чтобы достичь высот такого объективизма, нужно сначала атрофировать в себе все человеческое», – писал Иванов - Разумник, испытывающий, по его выражению, к такой точке зрения «полнейшее отвращение» [5, 132 - 134]. Д. Мережковский увидел в пьесе уничтожение личности, не притязающей ни на какое бессмертие, а в «сыне вечности» – гнусного божка, «который восседает наверху исполинской горы, сложенной из костей человеческих» [6, 26]. «... Почему легче верить в грядущего сына вечности, чем в пришедшего Сына божьего? – спрашивает критик, обосновывая свою мысль. – Воскресение Христа – воскресение всех, бессмертие «сына вечности» – смерть всех. Все умирают, чтобы он один жил. Человечество – навоз, удобряющий почву, на которой распухнет этот единственный цветок бессмертия» [6, 25]. Как видим, Д. Мережковский трактует идею пьесы в характерном для символистской критики религиозном ключе: для него идея личного бессмертия заключается лишь в служении Богу, вне христианской веры может существовать лишь безличное бессмертие, разложение «я» личности после смерти на ряд отдельных элементов.

Заслуживает внимания и противоположная точка зрения на творчество писателя. Так, Н. Арсентьева, рассматривая творчество Л. Андреева в контексте христианской антропологии, относит андреевский идеал жалостливой любви и идею искупительной жертвы к религиозным ценностям. «Проходя через горнило сомнений, Л. Андреев утверждает в своем творчестве духовно-нравственные ценности христианства», – пишет она [7, 85]. В связи с идеей пьесы «К звездам» можно привести и высказывание того же исследователя из другой статьи: «... Он (Андреев – Н. М.) учит находить подлинный смысл сущего в красоте мира, в проявлении жалости и любви ко всему живому, в религиозном единении людей, объятых чувством сопричастности всеобщему христианскому

нравственному идеалу» [8, 148].

Безусловно, если учитывать, что для драматурга идеалом выступает то, что является ценностно-значимым и в христианстве, можно, конечно, усмотреть здесь определенную религиозность. Но думается все же, что художник решает проблему человеческого бессмертия в безрелигиозном аспекте.

Л. Андреев утверждает уникальность и бессмертие каждого человека, совершившего подвиг самопожертвования во имя счастья людей, неповторимость его духовного начала, поскольку память о нем всегда будет жить в поколениях, хранящих «благоухание его души» [9, 371] и продолжающих его дело: «Как садовник, жизнь срезает лучшие цветы, – но их благоуханием полна земля...Разве умер Джордано Бруно?... Умирают только звери, у которых нет лица. Умирают только те, кто убивает, а те, кто убит, кто растерзан, кто сожжен, – те живут вечно» [9, 370-371].

Кроме вышеуказанных религиозной и философской систем, идейное содержание пьесы «К звездам» целесообразно сопоставить с философскими взглядами А. Бергсона, учение которого было популярно в начале XX века в России. Идейная концепция произведения и образ главного героя, астронома Терновского, имеют выраженные черты сходства с идеями Анри Бергсона и, в частности, его концепцией «высокоморальной личности», изложенной в книге «Два источника морали и религии», несмотря на то, что пьеса «К звездам» была написана в 1905 г., а работа А. Бергсона была опубликована в 1932. Хотя сведений о том, что Андреев читал работы А. Бергсона не обнаружено нами ни в высказываниях писателя, ни в свидетельствах его современников, принимая во внимание сходство точек зрения этих авторов на данную проблему и интерес драматурга к западной философии, можно предположить, что Л. Андреев читал работы А. Бергсона, идеи которых нашли более полное выражение в книге «Два источника морали и религии».

Главной чертой, определяющей характер Сергея Николаевича Терновского, является неуклонная работа для создания нового человечества. Труд его даст результаты только через многие годы. Терновский измеряет время не днями и неделями, что характерно для окружающих его людей, а веками и тысячелетиями. Для него время представляет бесконечный континуум, в котором сопряжены прошлое, настоящее и будущее. В этой временной протяженности для Терновского значимы лишь те отрезки времени, в которые творят выдающиеся личности. Так, в ряду своих друзей он называет ученых из Южной Африки и Бразилии, другой друг «умер лет полтора назад» [9, 357], а третий «еще не родился» [9, 357]. Но самым далеким его другом является «сын вечности» [9, 370], рождение которого станет возможным только благодаря самоотверженному труду гениев человечества и

самоотверженных личностей.

По А. Бергсону, стимуляторами развития также являются выдающиеся личности, гении воли. В философии А. Бергсона человечество выступает ведущим потоком эволюционного развития, устремленным в бесконечность. Узлы этого развития – высокоморальные личности. «Великие моральные личности, оставившие след в истории, протягивают друг другу руку через века, через наши человеческие грады; вместе они образуют божественный град, куда приглашают нас войти», - пишет философ в книге «Два источника морали и религии» [10, 71]. Динамическая тенденция творческого развития «предполагает целостное представление лишь в бесконечности, - продолжает свою мысль А. Бергсон, - ... в своей позитивной части она действует путем последовательно создаваемых творений, из которых каждое есть более полное осуществление личности и, следовательно, человечества. Это ... скачок вперед, который происходит только в том случае, если общество решилось на эксперимент, для этого требуется, чтобы оно дало убедить себя или, по крайней мере, поколебать, а колебание всегда производилось кем-то» [10, 78-79]. Таким образом, по А.Бергсону, тенденция эволюционного развития, постоянно прерываемая социальным давлением, продолжается только благодаря творческим порывам выдающихся личностей. Она продолжается посредством «некоторых людей, каждый из которых образует вид, состоящий из одного-единственного индивида» [10, 290]. Венцом этого развития, по мысли А. Бергсона, является человеко-бог – самодостаточная личность, гений, самореализующийся во всех сферах жизни. Вопреки природному эгоизму, он восстанавливает тенденции, открывающие для общества бесконечность в новых формах, в которых люди как боги.

«Сын вечности» Терновского очень похож на «бога» А.Бергсона. По словам Сергея Николаевича, это существо, подобное людям: он так же страдает, так же мыслит, так же ищет, как и они. Но «сын вечности» господствует над бесконечностью Вселенной и повелевает древней тайной, он может слышать голос небес. Не случайно Марусе кажется, что Терновский говорит ей о Боге [9, 370].

Мировоззрение Сергея Николаевича так же близко идеям известного философа. По А. Бергсону, творческая эволюция распадается на три потока: растений, животных и человека. И всюду бурлит жизнь. Терновский убежден, что когда человек перестанет загонять себя в рамки ограниченного мировоззрения, он перестанет быть одиноким, «ибо все живет: и металл, и камень, и дерево» [9, 362]. Терновский так же незаинтересован благополучием и богатством, как и выдающиеся реформаторы А. Бергсона. Он добровольно выехал из России и поселился в безлюдной местности в горах, всецело и бескорыстно посвятил себя работе.

Но, пожалуй, самой главной особенностью, сближающей

Терновского с «великой моральной личностью» А. Бергсона, является его любовь к человечеству. Для Терновского любовь к человечеству является несоизмеримым приоритетом по сравнению с любовью к семье. Он остается относительно спокоен на протяжении всего действия в моменты, когда речь идет о судьбе его сына, которому угрожает смерть. «У меня нет детей. Для меня одинаковы все люди», - отвечает Терновский Марусе, упрекающей его в бездушии [9, 369]. А. Бергсон, приводя примеры любви к семье, любви к отечеству и любви к человечеству, показывает, что только последний тип любви является собственно любовью. Такая любовь рождает идею сопричастности человека всему живому и разворачивается, в частности, в «этике благоговения перед жизнью». Эти идеи философа близки мыслям Сергея Николаевича, которые он высказывает в последнем действии пьесы: «Да, все живет. И когда поймет это человек, ему станет радостно жить, как греку, как язычнику. Явятся снова дриады и нимфы и эльфы запляшут в лунном свете. Человек будет ходить по лесу и разговаривать с деревьями и цветами» [9, 362].

Сергей Николаевич Терновский и его сын, Николай, являются главными представителями двух различных типов мировоззрения, сталкиваемых автором на протяжении всего драматического действия. Сущностная характеристика других действующих лиц выявляется в зависимости от сходства их взглядов со взглядами Николая, олицетворяющего дух революции, живущего нуждами и горестями «земли», и взглядами Сергея Николаевича, оторванного от «суежных забот» «земли», живущего в вечности.

Несмотря на различия в мироотношении главных героев, с первых страниц произведения намечаются и аспекты сближения между ними. Семья Терновских живет в чужой стране, в которой происходят революционные потрясения. Но тем не менее Николай стал руководителем отряда повстанцев и героически сражается на баррикадах. «А главное, будь бы за свое дело дрался, - отмечает мать Николая, Инна Александровна. – А то и люди чужие, и страна чужая, - ну какое ему дело!» [9, 324]. «Николай – рыцарь, - возражает ей младший сын, Петя. – Он за всех угнетенных, кто бы они ни были. Все люди одинаковы, и чья бы страна ни была, все равно» [9, 324]. Для Сергея Николаевича так же, как и для Николая, одинаковы все люди [9, 369], он посвятил свою жизнь работе ради всего человечества. И Николай, и Сергей Николаевич – энтузиасты, всецело отдающие себя своему делу, забывшие о своих личных интересах, движимые творческим вдохновением и желанием преобразовать жизнь ради других людей. Спокойствие и холодность астронома Терновского нужны автору лишь для того, чтобы подчеркнуть его сосредоточенность на своем деле и отсутствие интереса к обыденным заботам. Но зато как восторженно и патетично говорит он Марусе о «сыне вечности» в последнем действии

пьесы, как восхищается величием мироздания.

Преобладание эмоционального отношения к жизни свойственно большинству героев драмы. Интересны в этом отношении ассистенты Терновского – Поллак, Житов и Лунц, представляющие собой различные типы характера.

Лунц – ярко выраженный эмоциональный тип: он говорит «нервно» [9, 348], «резко» [9, 326], «кричит» [9, 346], для его речи характерны восклицательные выражения, он беспокойно «ходит взад и вперед» [9, 320]. Именно его эмоциональная неуравновешенность и порывистость явились причиной отказа от науки и перехода в лагерь повстанцев. Ведь только так этот эмоциональный порыв может найти быстрые и очевидные формы выражения. Лунцу недостает терпения и настойчивости, свойственных Поллаку и Сергею Николаевичу. А именно эти качества, прежде всего, и необходимы для того, чтобы заниматься наукой. «Я плохой астроном. Очень, очень плохой», - признается Лунц, говоря о том, что его пугает равнодушие звезд и бесконечность [9, 351]. Противоречивость характера героя автор подчеркивает уже в предварительном описании действующих лиц: «Привычка обращаться с точными инструментами придает движениям сдержанность и точность; но при волнении Лунц не выдерживает и жестикулирует со страстностью южанина-семита» [9, 319]. Другой ассистент Терновского, Житов представляет собой полную противоположность Лунцу. Житов абсолютно спокойно реагирует на все окружающее, у него отсутствует сама способность волноваться. Эту особенность характера героя автор также подчеркивает в описании его внешнего вида: «Велик, волосат, медведеобразен. Всегда сидит» [9, 319]. У Житова отсутствует какое бы то ни было желание творческого самоосуществления. Он ни одно дело не доводит до конца. Житов может только бездумно смотреть, как другие люди живут и волнуются.

Отличительными чертами характера Поллака являются точность, механичность и расчетливость. Не случайно Инна Александровна сравнивает его с астрономическим инструментом в первом действии пьесы [9, 323]. Ему так же, как и Сергею Николаевичу, свойственны трудолюбие и упорство. Но, в отличие от Лунца и Терновского, его целеустремленность совершенно другого рода. Поллаку свойствен житейский рационализм, присущий обыденному типу сознания. Занимаясь наукой, он преследует и личные цели, стремится выстроить свою жизнь по общепринятому образцу: «В мои тридцать два года я уже сделал довольно много для науки, и мое имя ... Впрочем, я не буду входить в подробности. И я уже имею право устраивать личную жизнь» [9, 352].

Творческий энтузиазм Николая и Сергея Николаевича объединяет других героев драмы в целях служения человечеству. Сильные созидательные эмоции главных героев становятся примером для подражания и движут других к возвышенным идеалам. Это ярко

демонстрирует монолог рабочего Трейча во втором действии, утверждающего непрерывность динамической тенденции творческого развития, связанной с абсолютом возможностей, позволяющим творить новые формы. Это единственное место в произведении, где точки зрения всех героев относительно объединяются под влиянием творческого порыва выдающихся личностей. Призыв «Вперед, всегда и вечно» [9, 344] становится девизом их будущей деятельности, направленной на достижение общих целей. Показательно в связи с этим и письмо Андреева Горькому (октябрь, 1906 г.): «Совершенно неожиданный и своеобразно окрашенный успех имели в Вене «К звездам». Там только что образовался «Свободный народный театр», как говорят некоторые газеты, социал-демократический; и для первого дебюта они поставили «К звездам». И удивление: все газеты без исключения хвалят, а рабочие листки говорят даже, что «впервые искусство встретилось с народом». И публика, почти сплошь рабочие, доходила «даже до энтузиазма». Вообще успех необыкновенный. Одно подозрительно: хвалят все, даже буржуазные органы, хотя и с некоторыми оговорками» [11, 274 - 275].

Эти идеи Л. Андреева позволяют провести параллели с концепцией «великой моральной личности» А. Бергсона. Сила «великих моральных личностей» заключается, по А. Бергсону, в новых чувствах, передаваемых ими другим людям и формирующих новое видение мира и своего места в нем. Бергсон считает, что в основе любого нового дела лежит эмоция, и делит эмоции на два типа. Для первого типа эмоций характерно то, что они следуют из определенного отношения человека к идее. Эмоции второго типа являются не следствием, а причиной, побуждающей к творческому действию. Гениальное произведение в жизни, искусстве, науке, отмечает А. Бергсон, чаще всего исходит от эмоции, которая ранее считалась невыразимой, но получила реализацию в идее. Первый тип эмоций оказывает давление на личность и несет в себе отбор и исключение кого-то из ее круга общения. Второй же тип эмоций вызывает притяжение и стремление друг к другу тех людей, которые разделяют этот эмоциональный импульс как установку души. Эмоции второго типа, подчеркивает А. Бергсон, не направлены на объект и не подчиняются его силе, а формируют его совместными усилиями общающихся соратников. (Сравним слова Трейча из упомянутого монолога: «Земля – это воск в руках человека. Надо мять, давить - творить новые формы ...» [9, 344].)

Характерно в связи с этим самоопределение ассистентов Терновского. Если Лунц вследствие своей неуравновешенности и чрезмерной эмоциональности оставляет науку и переходит в лагерь повстанцев, то Житов, отличающийся безэмоциональным отношением к жизни и неспособный к творческому созиданию, вообще остается индифферентным к интересам как одной, так и другой группы и уезжает

в Австралию. Выделяется здесь позиция Поллака, который стоит особняком. Поллак – упорный трудолюбивый ученый, и его имя уже стало известно в науке. Но Поллаку свойственны эмоции, являющиеся следствием его отношения к делу, выражающиеся, скорее, в чувстве удовлетворения достигнутыми результатами. Добившись определенного успеха в своей деятельности, он хочет оставить семью Терновских и жениться. Характерна также и реакция Поллака на события, происходящие в третьем действии пьесы. Когда Трейч приносит ужасные известия о разгроме революционного движения и каждый по-своему реагирует на случившееся, Поллак остается поглощенным своими интересами. На фоне общей трагической напряженной атмосферы его мироощущение по-прежнему остается приподнятым и радостным: «Сегодня день моего рождения, уважаемый Сергей Николаевич, - обращается Поллак к входящему Терновскому. - ... И сегодня я имел честь объявить собравшимся господам о моей помолвке с девицей Фанни Эрстрем» [9, 356].

Образ Поллака ассоциируется с человеком так называемого «закрытого» общества А. Бергсона с характерным такому типу людей рационализмом, набором общепринятых обязанностей и определенным стереотипом поведения. В «закрытом» обществе человек постоянно находится под давлением среды. Такое общество подчиняет себе как социальное, так и индивидуальное в личности, наполняя их ожидаемым всеми членами подобного общества содержанием (долг, успех, обязанность и т. д.). С этой точки зрения Поллак олицетворяет собой статичную тенденцию самосохранения, развивающую в человечестве рациональность и общественные обязанности, предназначенные для закрытых обществ, регулируемых запретами и ограничениями. Поллак – характерный «положительный» тип человека такого общества. Не случайно Лунц характеризует его как «порядочный человек» [9, 346], и «очень хороший человек» [9, 346].

«Закрытое общество, - пишет А. Бергсон, - это такое общество, члены которого тесно связаны между собой, равнодушны к остальным людям, всегда готовы к нападению и обороне – словом, обязаны находится в боевой готовности. ... Путем простого расширения мы никогда не перейдем от закрытого общества к открытому, от гражданской общины к человечеству. Открытое общество – это то, которое в принципе охватывает все человечество. О нем вновь и вновь мечтают избранные души, и каждый раз реализует нечто от самого себя в творениях, каждое из которых, через более или менее глубокое преобразование человека, позволяет преодолевать трудности, до того непреодолимые» [10, 288 - 289].

Эта мысль Бергсона начинает варьироваться уже с первых страниц произведения (разговор Пети и Лунца, возражающих Инне Александровне, сказавшей, что Николай дерется за чужое дело. «Это уозость разбивать землю на какие-то участки», - утверждает, в частности,

Петя [9, 324]). В пьесе противопоставляются два типа общества: буржуазное общество и тот идеальный тип общества, за который борются герои произведения. В отношении буржуазного общества драматург выделяет черты, характерные для «закрытого» общества А. Бергсона: «Буржуа ... защищался ... недурно [9, 331], - отмечает Верховцев. - ... Как же ... вы хотите, чтобы ... буржуа ... сразу отдал ... свое владычество над землей?» [9, 333]. Типичным представителем такого общества является Поллак, о чем явно свидетельствует характеристика, данная ему Лунцем: «буржуй» [9, 359]. Для участников революционного движения идеалом становится общество, которое охватывает все человечество. В представлениях астронома Терновского этот идеал приобретает более возвышенную форму выражения: для него мир расширяется до границ Вселенной.

Несмотря на сходство целей героев драмы, мировоззрение Терновского, в отличие от революционеров, это все-таки качественно иное мировоззрение. Именно поэтому при общей идейной направленности их взгляды все же не получают полного объединения. Наиболее сильное противостояние возникает между Терновским и Верховцевым, которого поддерживает его жена, Анна. Для Верховцевых, в отличие от Трейча и Маруси, характерно более трезвое, рационалистическое отношение к делу революции. Их возмущает отрешенность Терновского от земных забот и отъединение его от общества. Они поначалу принимают его за представителя враждебного лагеря. Думая, что астрономия нужна для календарей, Верховцев со снисходительным презрением относится к Терновскому, называя его «уважаемый звездочет» [9, 340]. Он уверен, что так, как Терновский, «может говорить только тот, кто живет на содержании у правительства и в полной безопасности сидит на своей крыше» [9, 343]. Анна считает Терновского ученым, который науку делает предлогом, чтобы уклониться от общественных обязанностей [9, 341]. Более близки Сергею Николаевичу Трейч и Маруся. Это проявляется не только во взаимной симпатии, возникающей между героями, но и в определенных чертах типологического сходства. Так, Трейч, как и Терновский, «всегда что-нибудь исследует» [9, 335], и, несмотря на фантастичность его планов, они все-таки «как-то осуществляются» [9, 336]. Отличительной чертой Маруси является любовь к пению. Для Терновского, который может слышать пение звезд, Маруся «как музыка» [9, 365].

Терновский представляет собой тип реформатора-первопроходца, обладающего прогрессивным мировоззрением и способного в духе переоценки ценностей изменять взгляды других людей, разрушать установившиеся стереотипы поведения и тем самым прокладывать для человечества путь к «открытому» обществу. Сергей Николаевич является высшим образцом «великой моральной личности», представляющим, по А. Бергсону, «вид, состоящий из одного-

единственного индивида» [10, 290]. Не случайно он уже имеет преемника в лице Пети, «юного жреца богини Урании» [9, 361]. Терновский причисляет себя к героям, которые орошали путь к звездам своей кровью. В его уста автор вкладывает призыв к героизму, ведущему к бессмертию. Героизм в пьесе так же понимается в бергсоновском духе. Терновский говорит о том, что герои всегда остаются жить в памяти последователей, продолжающих их дело. «Часть нового отлилась в форму старого; индивидуальное стремление стало социальным давлением», - пишет А. Бергсон [10, 289]. Но жизненный порыв на этом не заканчивается. Он продолжается посредством героических личностей, нарушающих привычно-повседневный ход обыденной жизни людей в обществе, становящихся примером в совместном подражании какому-то притягательному образцу и ведущих человечество вперед к радости высоких свершений.

Именно мировоззрение астронома Терновского, отличающееся масштабностью и глубиной мировосприятия, радостно-восторженным отношением к жизни, соединенным с огромным творческим энтузиазмом, становится приоритетом для драматурга. Образом Сергея Николаевича автор утверждает мощь и безграничность разума и человеческих возможностей. Николай же, видящий только темные стороны жизни, сходит с ума, поскольку такое мироотношение лишает личность созидательных сил, способных преобразовать мир.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что концепцию личности героя – альтруиста в драме Л. Андреева «К звездам» определяют следующие особенности:

- 1) идея самопожертвования во имя счастья людей;
- 2) неуклонная работа для создания нового, более совершенного человека;
- 3) для героя – альтруиста высшего типа любовь к человечеству является несоизмеримым приоритетом по сравнению с любовью к семье;
- 4) полная бескорыстная отдача своему делу;
- 5) сильные созидательные эмоции, которые становятся примером для подражания и движут других людей к возвышенным идеалам;
- 6) расширенное представление об обществе (мир расширяется до границ Вселенной);
- 7) прогрессивное мировоззрение;
- 8) способность в духе переоценки ценностей изменять взгляды других людей, разрушать установившиеся стереотипы поведения;
- 9) масштабность и глубина мировосприятия, радостно-восторженное отношение к жизни;
- 10) огромный творческий энтузиазм.

Дальнейшее исследование концепции личности в произведениях Л. Андреева позволит получить более целостное представление о человеке в философском аспекте.

Источники

1. Чирва Ю. Н. Вселенная, человек, история. К столетию со дня рождения Леонида Андреева // Нева. – 1971. – № 8. – С. 177 – 183.
2. Чирва Ю. Н. О пьесах Леонида Андреева // Андреев Л. Н. Драматические произведения: В 2 т. – Л.: Искусство, 1989. – Т. 1. – С. 3 – 43.
3. Муратова К. Д. Леонид Андреев-драматург // История русской драматургии втор. пол. XIX – нач. XX века (до 1917г.). – Л.: Наука, 1987. – С. 511 – 551.
4. Келдыш В. А. Русский реализм начала XX века. – М.: Наука, 1975. – 280 с.
5. Иванов – Разумник Р. О смысле жизни. Федор Сологуб, Леонид Андреев, Лев Шестов. – СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1908. – 313 с.
6. Мережковский Д. С. В обезьяньих лапах // Мережковский Д. С. В тихом омуте. – М.: Сов. писатель, 1991. – С. 12 – 39.
7. Арсентьева Н. Н. Творчество Л. Андреева в контексте христианской антропологии (проблема добра и зла) // Эстетика диссонансов: Межвуз. сб. научн. тр. – Орел: Изд-во ОГПИ. – 1996. – С. 79 – 86.
8. Арсентьева Н. Н. Христианский нравственный идеал и проблема утопического сознания в русской литературе (Ф. М. Достоевский и Л. Н. Андреев) // Русская литература XIX века и христианство. – М.: Изд-во МГУ. - 1997. – С. 141 - 148.
9. Андреев Л. Н. К звездам // Андреев Л. Н. Собр. соч.: В 6-ти т. – М.: Худож. лит., 1990. – Т. 2: Рассказы; Пьесы. 1904 – 1907. – С. 319 - 371.
10. Бергсон А. Два источника морали и религии: Пер. с фр. - М.: Канон, 1994. – 383 с.
11. Литературное наследство. – М.: Наука, 1965. – Т. 72: Горький и Леонид Андреев: Неизданная переписка. – 632 с.

Стаття надійшла 03.04.2007 р.